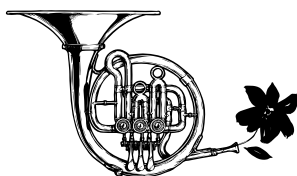

Юрий
ПОЛЯКОВ

Юрий
ПОЛЯКОВ

Гипсовый
ТРУБАЧ

Насельники куш
Игровод и писодей
Мужелюбица и мужелюбница
Пир побежденных
Как я ваял «Гипсового трубача»
Так говорил Сен-Жон Перс

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

*Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.*

Оформление — Екатерина Ферез

Поляков, Юрий Михайлович.

П54 Гипсовый трубач : [роман] / Юрий Поляков. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 1088 с. — (Замыслил я побег... Лучшая проза Юрия Полякова).

ISBN 978-5-17-145712-9

Роман классика отечественной литературы Юрия Полякова «Гипсовый трубач» — одно из самых масштабных и загадочных явлений российской прозы нового века. Сам автор назвал свое сочинение «иронической эпопеей» или «свободным романом», слагающимся не только из поворотов сложного, разветвленного, в известной степени детективного сюжета, но также из множества вставных новелл, повестей, вызывая отчетливую ассоциацию со знаменитым «Декамероном». Как и творение великого итальянца, «Гипсового трубача» можно читать с любой страницы, наслаждаясь уникальным мастерством Юрия Полякова, удостоенного Большой золотой Бунинской медали. Вы по достоинству оцените отточенный стиль автора, отдадите должное ярким, внезапным метафорам и афоризмам, приписанным полувывмышленному Сен-Жон Персу. Вы сможете согласиться или поспорить с острыми политическими взглядами и оценками писателя, посмеяться над комичными ситуациями, в которые попадают герои романа, проникнуться тонкой иронией, пронизывающей всю книгу. Особое место в романе занимает «плотская тема», признанная критикой одной из вершин русской эротической прозы.

«Гипсовый трубач» — это настоящее чтение, с улыбкой на губах и постоянным вопросом: «А что же дальше?» Если усилием воли вы ограничите себя одной главой в день — тогда 133 дня вашей жизни будут захватывающе интересны!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-145712-9

© Поляков Ю.М.
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Предисловие к пятому изданию

Роман «Гипсовый трубач», который вы держите в руках, возможно, есть самое объемистое сочинение русской прозы за последние полвека. Если и не самое, то, во всяком случае, одно из самых. Персонажей в нем больше сотни, не считая героев первого ряда. Я даже поначалу намеревался дать «Трубачу» подзаголовок «ироническая эпопея». Но в итоге дал другой — «свободный роман». Действительно, впервые за сорок лет работы в литературе я не стал стеснять движение фабулы по принципу «чем короче, тем лучше». Я не резал, как строгий садовник секатором, боковые побеги повествования, позволяя залетным сюжетам вить на этих ветвях шумные грачиные гнезда. Речь идет о вставных новеллах, которыми усеян роман. Я не напоминал героям, что такие пространственные диалоги годятся скорее для драмы, нежели для прозы. А моих героинь не упрекал в том, что их исповеди, растянувшиеся на несколько глав, были бы уместнее на приеме у психотерапевта с сексуальным уклоном. Я смотрел сквозь пальцы на то, как «сиамские соавторы» Кокотов и Жарынин, сочиняя свой сценарий, начинали путать реальность с творческими фантазиями. Критика меня даже упрекала за то, что я, оторвавшись от жизни, слишком увлекся искусством, а точнее, тем мусором, которого всегда довольно в любой творческой мастерской. Ну что тут возразишь? Сошлюсь, как обычно, на Сен-Жон Перса. Он утверждал: «Искусство по своей природе гораздо ближе к жизни, нежели наука, а уж тем более — политика». Но так или иначе, мои персонажи, или, говоря по-школьному, «художественные образы» совершенно обнаглели и оторвались от первоначального авторского замысла. Впрочем, некоторые знатоки как раз в этом видят первый признак подлинной литературы.

А ведь я даже не собирался сердить критиков. Мне просто хотелось написать роман, который в любой момент под настроение можно снять

с полки и читать, а лучше перечитывать, с первой попавшейся страницы, получая удовольствие от слов, играющих, как форель, в солнечном потоке сюжета. Я и сам именно так перечитываю любимые книги. Не знаю, получилось ли это у меня, решать читателям, они в литературе самые главные. Но согласитесь, пятое издание за семь лет — это не так уж и плохо для нашего заполошного времени, когда все устаревает, ломается или выходит из моды с обескураживающей скоростью; когда, чувствуя свежего лауреата какой-нибудь литературной премии, мы уже и не помним, кто получал ее годом раньше; когда переиздание современной прозы стало таким же бессмысленным занятием, как допечатка тиража позавчерашней газеты. А мои любимые герои — Кокотов и Жарынин — все еще продолжают бороться за справедливость, мучительно любить своих женщин и переделывать многострадальный сценарий, который кажется бесконечным, как жизнь, и обрывается так же внезапно, как путь, достигший обрыва. О, не пугайтесь! На самом деле «Гипсовый трубоч» — очень веселая книга, в ней много забавных историй и приключений, острых метафор и сатирических выпадов против власть предержащих. Хотя поединок писателя с властью давно превратился в высокотехнологическое фехтование: ты едва коснулся чутким наконечником сатирической рапиры ее стеганого нагрудника, а вот уже взвыл победный сигнал и вспыхнул контрольный свет. И автору приятно, и сильным мира сего хоть бы хны.

А вообще-то, я бы сравнил нашу жизнь с черно-белым кино, где белое — это смех, а черное — слезы. Или наоборот... Сами решите, прочитав мой «свободный роман».

Юрий Поляков, июнь 2019, Переделкино

ГИПСОВЫЙ ТРУБАЧ

И даль свободного романа...

А. Пушкин

Эй, брось лукавить, Божья Обезьяна!

Сен-Жон Перс

И призраки требуют тела,
И плоти причастны слова...

О. Мандельштам

Часть первая

НАСЕЛЬНИКИ КУЩ

Глава 1

Первый звонок судьбы

История эта началась утром, когда жизнь еще имеет хоть какой-то смысл.

Ранний телефонный звонок настиг Андрея Львовича Кокотова в налеганной теплой постели. Он недавно проснулся и теперь полусонно размышлял о том, что разумные существа есть, вероятно, не что иное, как смертоносные вирусы, вроде СПИДа, которыми одна галактика в момент астрального соития заражает другую. После вчерашнего посещения поликлиники и одинокого вечернего пьянства он был невесел, мрачна была и его космогоническая полудрема.

Будучи по профессии литератором, Кокотов вяло прикинул, можно ли из этой странноватой утренней мысли вырастить какой-нибудь рассказ или повестушку, понял, что нельзя, — и погрустнел. А тут еще это внезапное телефонное беспокойство как-то нехорошо вспугнуло сердце, и оно забилося вдруг с торопливыми и опасными препинаниями. Встревоженный писатель с обидой подумал, что зря вчера не заглянул к кардиологу: сорок семь — самый опасный мужской возраст, когда желания еще молоды, а исполнительная плоть уже не очень.

Телефон все звонил. Андрей Львович встал и, чувствуя во рту сухую несвежесть, побрел на кухню.

Впрочем, «звонил» — чересчур громко сказано. Все предразводные месяцы Кокотов и его бывшая супруга Вероника использовали аппарат так же, как старорежимные мужики — шапки, а именно: швыряли оземь в качестве последнего и неопровержимого доказательства своей правоты в семейном конфликте, которому давно стало тесно в двуспальной кровати. И если раньше после ослепительной ссоры Андрей Львович обычно закипал вожделением и желал задушить жену в объятиях, то в последний год их близлежащего сосуществования он хотел ее просто приду-

шить. И однажды целую бессонную ночь посвятил рассуждениям (конечно, чисто умозрительным) о том, куда потом можно было бы окончательно спрятать труп, чтобы не сесть в тюрьму. Перебрав вариантов двадцать, жестоких и небезукоризненных, он наконец додумался: надо купить в магазине «Ребята и зверята» аквариум со стаей пираний, очень модных в последнее время среди серьезной публики. И, как говорится, концы — в воду! Однако чешуйчатые людоедки, оказалось, стоили огромных денег! Тогда Андрей Львович, человек небогатый, замыслил написать про это рассказ, но не решился — из суеверия.

Начался же семейный распад с того, что у Кокотова появилось болезненное ощущение, будто в их спальне поселился кто-то третий, невидимый. И Вероника, прежде отличавшаяся веселой постельной акробатичностью, с некоторых пор превратила требовательно-изобретательный интим в редкие и показательно равнодушные супружеские телодвижения, словно доказывая этому неведомому третьему свою полнейшую незаинтересованность в брачных соединениях. А на мужа она стала посматривать с некой иронической сравнительностью. Так пляжная дама, проводив влажным взором загорелого атлета, с тоской возвращается взглядом к своему законному животоносцу, приканчивающему восьмую бутылку пива...

— Коко, — объявила Вероника однажды утром за кофе, — я должна тебе сообщить одну важную вещь!

— Какую, Никó?

— Мы разводимся!

— Почему? — спросил Андрей Львович не из любопытства (он давно этого ждал), а скорее из чисто писательской привычки выстраивать диалог.

— Потому что ошибки надо когда-нибудь исправлять...

Развели их без осложнений: потомства они не завели (дети, как и пираньи, стоили дорого), а на жилплощадь, книги и совместно нажитое имущество (если честно, смехотворное) Вероника не покушалась. Эта бессребренная странность разъяснилась, когда они вышли из загса и бывшая жена, точно разнузданная кобылица, потряхивая мелированной гривой, поскакала к белому гластому «Мерседесу». На миг она обернулась, показала брошенному мужу длинный малиновый язык и, победно хлопнув дверцей, скрылась за непроглядными стеклами, исчезла во тьме новой светлой жизни.

А телефон все звонил...

На кухне царило то неприглядное бытовое разложение, какое часто встречается в домах безнадежных холостяков. На тарелке сушила грубо

расчлененная и недоеденная селедка, посыпанная одряхлевшими кольцами фиолетового лука. Чуть выгнулся, почерствав за ночь, забытый кусок черного хлеба. В бутылке еще оставалось довольно водки, что свидетельствовало о мужском одиночестве, пока еще не перешедшем в неутолимое пьянство. Аппарат фирмы «Тесла» был обмотан разноцветным скотчем и напоминал античную вазу, кропотливо собранную из кусочков. Он даже не звонил, а жалобно верещал из-под кухонной табуретки, словно принесенный с улицы мусорный котенок. Вечор Кокотов хотел от тоски и для познания жизни позвонить какой-нибудь телефонной возбудительнице, даже отчеркнул в рекламной газетке номер горячей линии «Ротики эротики». Но так и не собрался с духом. А зря! Дело в том, что у него появился любопытный сюжетец для нового романа из серии «Лабиринты страсти».

Сюжет такой. Он и она. Ромео и Джульетта. Роман и Юля. Сослуживцы. Работают в глянцевом порножурнале «Афродозиак». И вот между ними по тайным законам влечения возникает чистое, светлое чувство — такое лишь иногда, очень редко, проникает в нашу жизнь, словно луч солнца в канализационный люк. Роман — фотограф: снимает «обнаженку». Юля — редактор: сочиняет письма, которые якобы приходят в «Афродозиак» от читателей, переживших острое сексуальное приключение.

Ну вот, например:

«Дорогая редакция! Это случилось в Италии, во время экскурсии к жерлу вулкана Санта-Лючия. Вся наша группа уже насладились красотами kloкочущей преисподней и спускалась вниз. А мне — не знаю почему — захотелось остаться наверху и смотреть-смотреть вниз на inferнальные всполохи магмы. Вдруг я с ужасом и негодованием почувствовала, как чья-то требовательная конечность нырнула ко мне под юбку и нагло пытается проникнуть в мой собственный кратер, защищенный только ажурными стрингами, купленными перед отпуском в магазине “Дикая облепиха”. Я обернулась, чтобы отхлестать наглеца по лицу, но моя рука застыла в воздухе: это был Николай — самый юный, скромный и симпатичный член нашей тургруппы. Он смотрел на меня так робко, так нежно, так влюбленно...»

Тут Юля отрывается от компьютера и вспоминает, с каким ласковым сочувствием Рома смотрел на нее во время недавней планерки, когда пузатый шеф-редактор орал, предынсультно перекосив металлокерамический рот: «Запомните раз и навсегда: мы пиарим только “Мир белья”!

У нас договор! Если я еще раз увижу в вашем тексте, Юлия Викторовна, хоть намек на “Дикую облепиху”, я вас уволю. Понятно?»

А Рома? Что Рома?! Он, сердешный, тщательно выставляет свет, чтобы поразвратнее запечатлеть свежесбритую фотошлюху, а сам тем временем томительно думает о том, как странно глянула на него Юля, проходя вчера по редакционному коридору...

— Попку чуть на меня! — командует он. — Нет, так много... Это уже не попка! — А сам изнывает от желания просто видеть Юлю, говорить с ней, смотреть в эти чистые голубые глаза...

Кстати, с невинными деликатностями зарождающегося чувства у Андрея Львовича было все в порядке. Он понимал и умел тонко описать, как внезапно рождается, расцветает и опадает лепестками разочарования внезапная симпатия к грустной пассажирке автобуса. А вот знаний о развратной стороне жизни ему, семейному до недавних пор мужчине, явно не хватало, что по-человечески, может быть, и хорошо, но с писательской точки зрения непроизводительно: ведь именно романами о «странностях любви» Кокотов зарабатывал себе на жизнь в самые трудные годы. Со звонка в «Ротики эротики» он полагал начать серьезное изучение сексуальных пределов гнусной действительности, но в самый последний момент, набрав шесть цифр, смалодушничал, передумал и, злясь на себя, сунул «Теслу» под табурет. Там он ее, без умолку верещащую, и обнаружил. Нагнулся и, чувствуя прилив крови к вискам, снял трубку.

— Я бы хотел побеседовать с господином Кокотовым! — потребовал густой мужской голос.

— Кóкотовым, — привычно поправил Андрей Львович, ибо почти никто и никогда не произносил его довольно редкую фамилию правильно с первого раза. (Из трех вариантов ударения все почему-то выбирали именно тот, который придавал фамилии легкомысленный, даже блудливый оттенок.)

— В таком случае мне нужен господин Кóкотов! — заявил голос с раздражением.

— А кто его спрашивает?

— Жарынин.

— Кто-о?

— Кинорежиссер Жарынин. Слыхали?

— Слыхал, — полусоврал Кокотов. — Простите, имя-отчество только вот запомнил...

— Дмитрием Антоновичем с утра был!

— Я вас слушаю, Дмитрий Антонович!

— А до этого вы меня, Андрей Львович, выходит, не слушали?

— Я неточно выразился. Очень рад вас слышать. Давний поклонник вашего таланта! — зачем-то подлизнулся Кокотов, мучительно соображая, почему фамилия режиссера показалась знакомой, если ни одного его фильма он вспомнить никак не мог.

— Будет врать-то! А вот я в самом деле прочел ваш рассказ в журнале «Железный век».

— Какой рассказ?

— А вы много рассказов напечатали в этом журнале?

— Один...

— Тогда не задавайте глупых вопросов! Я прочел рассказ про гипсового трубача.

— Вам понравилось?

— Кое-что есть, хотя в целом рассказ написан слабо.

— Вы считаете? — обидчиво улыбнулся Андрей Львович.

— Считаю.

— Зачем же вы мне звоните?

— Потому что по вашему сюжету я сниму хорошее кино!

— Мне трудно об этом судить...

— Почему?

— Потому что, Дмитрий Антонович, я не видел ни одной вашей картины! — поквитался Кокотов.

— Вы и не могли видеть. Вгиковская короткометражка «Толпа» не в счет. А единственный мой фильм «Двое в плавнях» смыли по решению Политбюро!

— Как смыли?

— Категорически! В знак протеста я ушел из кино! Но хлопнув дверью... Очень громко!

— Ах, ну да... — Кокотов вспомнил этот действительно шумный скандал застойного кинематографа. — А теперь, значит, вы вернулись?

— Да, побыл, как бы это выразиться, во внутренней эмиграции... Надоело. Хватит!

— А во внешней эмиграции не были?

— Ну, как же... Чуть не выбрал свободу. Но русскому человеку там делать нечего. Однако же странно...

— Что?

— Странно, что вы расспрашиваете меня о всякой ерунде вместо того, чтобы прыгать от счастья. Вам звонит режиссер и хочет экранизировать ваш рассказ!

— Я прыгаю. Вы просто не видите. А деньги на картину у вас есть?

— Разумеется. В противном случае я бы вас не тревожил. Еще вопросы?

— Нет.

— Тогда запоминайте: завтра в девять ноль-ноль я заезжаю за вами, и мы отправляемся в «Ипокренино» — писать сценарий.

— В «Ипокренино»? — переспросил писатель, много слышавший об этом историческом месте, но ни разу там не бывавший.

— Да. Я заказал две комнаты с пансионом.

— Я не могу.

— Почему?! — возмутился Жарынин.

— У меня анализ. Очень важный...

— Какой еще к чертям анализ! А вы не можете эти ваши... ингредиенты сдать сегодня... впрок?

— Нет, это очень сложный анализ. По знакомству. А «ингредиенты», как вы выразились, тут абсолютно ни при чем! — с вызовом ответил Андрей Львович.

Некоторое время из трубки доносились лишь недовольное побрякивание и посапывание. Наверное, именно так ругались наши бессловесные предки, еще не знавшие роскоши многофункциональной брани.

«Чтоб они пропали, эти анализы! Ну зачем я поперся в поликлинику? Жил бы с этой чертовой бородавкой и дальше! — в отчаянии думал Кокотов, которому впервые в жизни звонил режиссер, да еще с таким предложением. — Пошлет он меня сейчас и правильно сделает!»

— Хорошо, — наконец согласился Жарынин. — Когда вам надо в Москву?

— Через три дня...

— Я сам отвезу вас и сдам на анализы! А потом доставлю назад в «Ипокренино». Договорились?

— А сколько я должен за путевку? — не успев обрадоваться, с боязливой щепетильностью полюбопытствовал Андрей Львович.

— Нисколько. Фирма платит. Да или нет?!

— Да. Я согласен.

— Неужели?! У вас тяжелый характер. Но я с вами поработаю. До завтра. Ровно в девять. На Ярославке, напротив вашего дома, возле ларька.

— В девять, возле ларька, — повторил Кокотов, чтобы лучше запомнить.

— И не опаздывайте! Там остановка запрещена.

— Откуда вы знаете, что запрещена? — подозрительно спросил писатель.

— Прежде чем сделать вам такое предложение, я собрал о вас материал.

— Вы за мной следили?

— Наблюдал.

— Ну, знаете... В таком случае...

Однако Жарынин уже повесил трубку. Кокотов, слушая гудки, подумал о том, что судьба непредсказуема, как домохозяйка за рулем, и решил: никуда не поеду!..

Глава 2

Проклятье Псевдонима

На следующее утро Андрей Львович ровно в девять стоял возле пыльного ларька, торговавшего несъедобным изобилием. Двухкомнатную квартиру вблизи шумного, загазованного Ярославского шоссе он получил в прежние времена от могучего в ту пору Союза писателей. Кокотов значился в списках очередников на улучшение жилищных условий, так как занимал с мамой Светланой Егоровной тесную хрущевскую «однушку» в Свиблове. Отсюда, собственно, и возник его первый литературный псевдоним — Свиблов, под которым он печатал первые сочинения, не снискав ни славы, ни даже какой-нибудь чуть заметной известности. Потом у него, правда, появился еще один псевдоним, так сказать, коммерческий... Но это отдельная история.

Размышляя о своей стойкой безуспешности, Кокотов перебрал множество разнообразных причин и выделил две самые вероятные: первая — неверно выбранный псевдоним, вторая — отсутствие таланта. Вторую он отмел сразу: мало ли кругом знаменитых графоманов? Да и кто из пишущих признает себя бездарностью? В определенном смысле творческий работник похож на уродливую женщину, которая все равно в глубине души убеждена: в ней есть что-то чертовски милое — просто пока никто не заметил. Кстати, именно на этой тайной дамской уверенности основана многовековая и очень доходная деятельность брачных аферистов.

Значит, оставалась единственная причина: псевдоним Свиблов, таивший в себе что-то губительное. И Кокотов решил обмануть неприветливую литературную судьбу — рассказ «Гипсовый трубоч» он опу-